

# ИСТОЧНИКИ

## ОСЕТИНСКИЕ СУДЬБЫ ВО ФРАНЦИИ\*

И.Л. Бабич

*В статье на примере судьбы осетинской семьи Абациевых показаны формы адаптации к Франции, к французской культуре, отношение к Осетии и осетинской культуре. Автор, опираясь на полевую этнографическую материал, рассматривает отдельные аспекты общественно-политической и национально-культурной жизни северокавказских эмигрантов во Франции. В эмиграции семья Абациевых дружила со многими известными осетинами, в том числе и с Гайто Газдановым и Гаппо Баевым.*

**Ключевые слова:** Франция, Осетия, Абациевы, осетинская культура, французская культура, эмиграция, Аньер, православная церковь, Сикоев, Сосиев, Гайто Газданов, Милуков, Гаппо Баев.

*The aim of this article is to study and show the forms of adaptation to France, to French culture, the attitude of Ossetia and Ossetian culture, illustrating these processes on the example of the history of one Ossetian family in France — the Abatsievs. The author bases her arguments on ethnographic field material and examines some aspects of the socio-political and national-cultural life of the North Caucasian emigrants in France. Mihail Abatsiev was friends with many famous Ossetians, including Gaito Gazdanov and Gappo Baev.*

**Keywords:** France, Ossetia, Abatsievs, Ossetian culture, French culture, emigration, Anyer, Orthodox Church, Sikoev, Sosiev, Gaito Gazdanov, Milyukov, Gappo Baev.

События 1917 г. и последующая за ними гражданская война, как известно, привели к мощной волне русской эмиграции в страны Европы в целом и во Францию в частности [1]. Между тем, помимо русских, в Европе оказались и выходцы с Кавказа, не согласившиеся по тем или иным причинам мириться с большевистской властью. Эмиграция кавказцев вообще и северокавказцев в частности была достаточно масштабной. Как и русским, им приходилось научиться жить в чужой стране, адаптироваться к ее культуре, языку, общественно-политическому устройству. Далеко не всем удалось эмигрировать со своими семьями. Некоторые завели новые семьи в эмиграции, но многие оставались в одиночестве. В 1930-1940-е гг. родилось второе поколение северокавказцев, чьи родители эмигрировали в 1920-е гг. Большинство из них постепенно полностью адаптировалось к

французской жизни и во многом даже ассимилировалось: прежде всего, уходили из обихода северокавказские языки, детей обучали только русскому языку, в школе они учили французский язык.

Кавказская эмиграция не была однородной. Среди северокавказцев было много военных и казаков (кубанских и терских), которые до революции служили в русской армии. Российская империя в течение XVIII-XIX вв. воспитала северокавказскую горскую военную элиту, которая, оказавшись в эмиграции, продолжала отстаивать интересы Российской империи [2, 263-274; 3, 22-32; 4, 75-85].

Были и другие северокавказцы, которые объединились в различные националистические организации, наиболее крупной из которых стала Конфедерация народов Кавказа (руководитель — А.М. Топчибаши). Они отстаивали право

\* Работа выполнена по гранту Российского научного фонда «Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтнических государствах: российский и зарубежный опыт», № 15-18-00099 (руководитель — Е.И. Филиппова).

народов Кавказа — грузин, армян, азербайджанцев, народов Северного Кавказа — на независимость и полное отделение как от СССР, так и от Российской империи [5, 98-116; 6, 160-168; 7, 238-246]. Наконец, третью группу составляли те, кто не вступал ни в какие объединения, а жил просто и независимо, часто занимаясь наукой или творчеством, как например, ученый осетин Гаппо Баев.

К первой группе северокавказских эмигрантов относился и осетин Михаил Николаевич Абадиев (1890, Ардон, Осетия — 2.02.1983, Париж, похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа) — подпоручик, выпускник Воронежского кадетского корпуса и Павловского военного училища, офицер Осетинского полкового дивизиона, участник Первой мировой войны, эмигрант (Чехия, Прага), окончивший Русский юридический факультет (Прага) и после 1925 г. проживавший в Париже.

Имея пророссийские и промонархические взгляды, в Париже он стал членом Республиканско-демократического объединения, руководимым Павлом Николаевичем Милуковым, М. Н. Абадиев в 1920-30-е гг. в газетах и журналах опубликовал целый ряд докладов на русском языке: «Задачи и тактика кавказских сепаратистов» (1928 г.), «Задачи и тактика сепаратистов» (1929 г.), «Самоопределение Осетии (в связи с национальным вопросом на Кавказе)» (1935 г.), «Идея солидарности народов Кавказа» (1937 г.), «Демократия и реальная политика» (1939 г.).

В них М. Н. Абадиев поставил два ключевых вопроса, связанных с понятием «северокавказской идентичности»: «Могут ли кавказские народы серьезно рассчитывать на государственную независимость в пределах национальных границ?», «Достаточно ли кавказские народы солидарны между собой, чтобы осуществить такое единство в пределах географических границ?»

Поддерживая самобытность кавказских народов как непреходящую ценность и идею «кавказской солидарности», М. Н. Абадиев, тем не менее, подчеркивал, что «общекавказская солидарность... есть

фикция», что «никогда не было этой солидарности до прихода русских на Кавказе». Он считал, что «установление русского владычества на Кавказе принесло краю просвещение, расцвет и сносную жизнь», и он не видел оснований для реального построения независимого государства на Кавказе. Единственным условием формирования кавказской нации и кавказской идентичности, по его мнению, должно было стать проживание народов Кавказа в составе Российской империи. Он подчеркивал, что только с приходом российской власти в регионе «начался процесс внутреннего объединения...»

Стерлись внутренние границы. Религиозные, расовые, династические и территориальные притязания, отойдя в чужую юрисдикцию, раскрепостили отношения кавказских народов между собой. Если можно говорить о «кавказской солидарности», то только в эту эпоху. Она рождалась, естественно, независимо от русской администрации. Но успеху ее способствовала принадлежность к русскому миру: школы, язык, пути сообщения, широкое взаимное общение. Кавказские национальные движения развивались на почве русского воспитания и языка.

Предлагаемое читателям интервью с дочерью М. Н. Абадиева Ольгой де Нарп (Абадиевой) свидетельствует, что в среде осетин-военных во французской эмиграции главным образом преобладали не национальные, а политические интересы. Соответственно формировался и ближний круг. Такие люди, выросшие в юношеских военных заведениях Российской империи, не акцентировали свое внимание на сохранении и преумножении национальной культуры, предпочитая заниматься политическими вопросами. Такое отношение, безусловно, сказывалось на втором поколении северокавказцев, родившихся и выросших в эмиграции: знания о родине своих предков и об их культуре они получали от своих родителей. В результате менялась и этническая идентичность: Ольга де Нарп (Абадиева) считает себя французенкой осетинского происхождения. Подобное

изменение идентичности — скорее, норма для детей северокавказских эмигрантов первой волны, чем исключение. Объясняется данное явление прежде всего тем, что

в 1920-1939 гг. разделение внутри кавказского сообщества во Франции проходило не по национальной, а исключительно по политической принадлежности.

## ИНТЕРВЬЮ И. БАБИЧ С ОЛЬГОЙ ДЕ НАРП (УРОЖД. АБАЦИЕВОЙ)

*Ольга де Нарп — дочь осетинского офицера, представителя Российской армии Михаила Николаевича Абадиева, который эмигрировал во Францию вместе с другими военными, принимавшими участие в белом движении. Она родилась 8 января 1945 г. в Париже, и в ее судьбе отражена жизнь северокавказских эмигрантов во Франции до второй мировой войны и после нее, особенности их бытовой культуры и адаптации к французскому обществу и нравам французов [8, 205-214].*

— Ольга, расскажите о начале Вашей жизни.

— Когда я родилась, мы жили в предместье Парижа — Аньере<sup>1</sup>.

Квартира наша находилась недалеко от мэрии Аньера — красивого здания в готическом стиле, и одноименной железнодорожной станции, поезда с которой шли до вокзала Сен-Лазар. Мы жили на улице Бапст, в большом шестиэтажном доме с лифтом на четвертом этаже: с мамой, папой и бабушкой по линии мамы. Папа — Михаил Николаевич Абадиев — из Осетии, осетин, мама — Елизавета Рубеновна Кеворкова-Тарасова, родилась в Москве, имела русские и армянские корни. Моя бабушка Мария Тарасова была армянкой из семьи Тарасовых. У меня есть фотография бюста моей бабушки, который находится в Третьяковской галерее.

Интересная история, как я узнала об этом бюсте. Вместе со своим другом была на одной из выставок в Лувре, где были выставлены картины и скульптуры из Третьяковской галереи. И я иду по музею, вижу издали бюст и говорю своему спутнику, что он похож на мою бабушку. Подхожу и вижу, что написано, что это бюст Марии Тарасовой! Вот это удивительно!

В Аньере в то время проживало много эмигрантов из бывшей Российской империи: там была остановка поезда, который шел в Париж, и поэтому было удобно добираться до города, и в то же время оплата за наем квартир была значительно дешевле,

чем в Париже. Кроме того, в Аньере был склад машин — такси. Многие эмигранты работали шоферами такси (в том числе и мой отец), и им было удобно брать машины.

Моя мама — вторая жена моего отца. Его первая семья осталась в России: жена и сын. Еще до революции 1917 года мой отец некоторое время учился в Ставрополе и там познакомился со своей первой будущей женой — Татьяной Добровольской. В этом браке у отца родился сын Владимир. Еще один ребенок умер в годовалом возрасте. Затем отец поступил на юридический факультет в Санкт-Петербурге. В эмиграции отец оказался без своей семьи и всю жизнь переживал об этом. Впоследствии пытался их разыскивать через Красный Крест.

Отец вместе с другими военными оказался в эмиграции в Турции, потом — в Праге, и лишь в 1925 году приехал в Париж, где жил один. Значительно позднее, в 1938 году, в Париже отец познакомился с моей мамой — Елизаветой Рубеновной Кеворковой<sup>2</sup>. 8 января 1945 года родилась я.

Когда мы жили в Аньере, я помню, что часто вместе с мамой или бабушкой ходили гулять в парк, который располагался сразу же за мэрией. Там же была моя первая школа.

10 июня 1945 года меня крестили в православной церкви Храма Христа Спасителя, которая также находилась в Аньере<sup>3</sup>. Моими крестными были осетин Харитон Сикоев<sup>4</sup> и Ольга Кеворкова<sup>5</sup>. Второй моей

крестной была жена Харитона — Ольга Сикоева. Она была из Петербурга, имела русские и немецкие корни, была глубоко верующим человеком, активной прихожанкой церкви Александра Невского на rue Daug (проживала недалеко от церкви, на rue Waggram).

В детстве я посещала церковь, в которой меня крестили — Христа Спасителя, позднее вместе с крестной, Ольгой Сикоевой, ходила в церковь Александра Невского, с годами я стала посещать церковь Серафима Саровского (на rue Lecourbe). Мне это ближе территориально. Поскольку мой муж де Нарп — католик, то я часто вместе с ним бываю и в католическом костеле.

Харитон Сикоев участвовал в Первой мировой войне, был ранен в голову, был отчасти больным человеком, и мой отец заботился о нем, опекал. Он был высоким, приятным человеком. Он есть на фотографиях из моего архива.

Моя тетя Ольга Кеворкова была скрытной женщиной, и мы с ней немного общались. Например, мы узнали, что она была замужем за немцем, только когда она стала... уже вдовой. Она не любила быт и все время старалась жить в гостинице, чтобы горничные убрали ее номер. Муж умер внезапно, вместе они прожили довольно мало времени. Ее муж никогда к нам в гости не приходил. Ольга умерла в 1970 году и мы все вместе, с мамой, папой и бабушкой, были на ее похоронах, на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

Когда мне исполнилось семь лет, наша семья переехала в просторную квартиру в Париж, на rue Grenelle, 69, рядом с домом Посла СССР. Половину квартиры мы сдавали, а во второй жили.

— Я хотела спросить у Вас про Сосиевых<sup>6</sup>? Вы их знали?

— Я сама не встречала Сосиевых, но у нас дома всегда, с самого моего детства, в гостиной висела картина. Это было в 1949 году, когда мне было четыре года. Потом, когда я подросла, я узнала, что это картина осетинского художника Сосиева. На ней написано — 1927 г. В нашей гостиной, где я жила с папой и мамой, было много

книг, несколько картин, цветы. Я помню, что эта картина, на которой изображен стол сена и мельница, была очень дорога моего отца.

— А где остальные картины Сосиева?

— Я не искала. Не знаю.

— Вы спрашивали у отца про картину?

— Я не спрашивала у отца про картину.

Она была обычной для меня. Папа так говорил: «Я люблю эту картину — она напоминает мне место, где я жил когда-то». Моя мама говорила, что картина была не слишком выразительной. Картина была старой, папа ее наклеил на дерево. Папа стал жить в Париже с 1925 года, скорее всего он знал Сосиева лично, и тот подарил моему отцу эту картину.

— Бывали ли в Вашем доме осетины?

— К нам в дом приходили осетины, но я не помню точно кто, то ли Сосиев, то ли Латиев<sup>7</sup>. У меня есть фотографии, на которой осетины, с которыми общался мой отец.

— А где жил Ваш отец до эмиграции?

— Мой отец точно из Ардона, но все его родственники жили в Кадгароне, например, Вера Николаевна Газданова<sup>8</sup>, генерал Дмитрий Абадиев<sup>9</sup>. Я об этом узнала из посемейного списка, который для меня любезно нашел ученый из Осетии, доктор истории Руслан Бзаров.

— Вы общаетесь с потомками Абадиевых, которые оказались в эмиграции?

— Да, я знакома с потомками генерала Дмитрия Константиновича Абадиева: две его дочери — Тамара и Елена — жили в Лондоне, но, к сожалению, никто из них не говорил по-русски, никто не знал истории собственной семьи и Осетии. Я с ними встречалась не раз.

— В материалах, посвященных генералу Абадиеву, написано, что у него было трое детей.

— Я этого не помню. Когда мы приехали в Лондон, детей было двое.

Сын одной из дочерей, Тамары, — Морган, то есть внук Дмитрия Константиновича Абадиева, — проживает в Париже, недалеко от меня. Ему 30 лет, считает себя англичанином, выучил французский язык,

но русского языка не знает. К сожалению, он тоже ничего не знает ни о русской истории, ни о России и Осетии, ни о русской и осетинской эмиграции. Отец Моргана — англичанин, по-русски не говорит, но любопытно, что посещает русскую православную церковь.

Семейного архива у дочерей Д. К. Абациева не сохранилось, потому что он по каким-то причинам остался в Белграде, где вначале жила семья. После смерти Абациева (я не знаю точно, когда) вдова с дочерьми переехала жить в пригород Лондона.

Я познакомилась с семьей Абациева, когда мне было 10 лет, то есть в 1955 г. Мой папа решил навестить вдову генерала, и мы всей семьей поехали к ним в Англию. Причем мой папа не любил путешествовать, но туда он поехал, так как считал, что очень важно поддерживать контакты с родственниками. Я помню, что вдова, Елизавета Эдуардовна, хорошо говорила по-русски.

— *Что Вы помните об этой поездке?*

— У меня есть одна фотография, которую сделал мой отец во время нашей первой поездки к ним в Англию. Это было в маленьком городе на юге-востоке — Бекенхеме, который входит в составе Большого Лондона (Beckenham). Они проживали в отдельном доме: мать и две дочери; одна дочь проживала вместе с мужем Морганом — англичанином, с которым она познакомилась в Белграде, а вторая дочь уже была вдовой — ее муж, англичанин Перон, неожиданно умер. Елизавета Эдуардовна была уже старенькой и дочери ухаживали за ней.

— *Ваш папа сохранял с ними контакты?*

— Мой папа сохранял контакты со всеми Абациевыми, которые проживали в Европе, потому что он считал себя главой всех Абациевых в эмиграции. Причем, я помню, что папа рассказывал: хотя генерал Джамбулат (Дзамболат) был старше его, но он уважал моего папу. Мой отец с детства с ним общался. Папа рассказывал, что именно генерал Джамбулат помог ему еще до революции поступить в Павловское военное училище. У Джамбулата кроме дочерей родился сын, но он умер маленьким

(может быть, поэтому и пишут, что у генерала было трое детей). Мой папа был сиротой, его отец, мой дед, умер, когда ему было только семь лет. Мой папа был последним мальчиком в семье, и ближайшие родственники Абациевы помогали моему папе.

В Европе жили и другие Абациевы. У меня есть фотография, на которой изображен Магомет Абациев, его дочь — Лиша. Лиша вышла замуж за немца, астронома барона Эмилия фон Палена, еще до революции 1917 года, жила в Потсдаме. У нее было двое детей (один из них родился в Петербурге, куда она возвращалась на короткое время еще до революции, и окончательно уехала оттуда в Германию после революции): Анатолий и Ирина. Потом Лиша проживала в Берлине с сыном.

Отец тети Лиши — Магомет Абациев — был сыном брата моего дедушки Афако. Магомет (православное имя Иосиф) Абациев жил в России, в 1923 году он приезжал в Берлин встречаться с моим папой, потом он вернулся в СССР.

Отец не очень любил ездить. Так, надо было поехать в Швейцарию, в Базель, где одно время жила наша родственница Лиша Абациева (фон Пален). Меня в Париже ребенком 9-10 лет сажали на поезд, а в Базеле меня встречала тетя Лиша. Я с ней много встречалась. Иногда она к нам приезжала в гости из Базеля, но всегда без детей. У тети Лиши и моего папы было общее петербургское детство, поэтому они любили общаться. Когда тетя Лиша умерла, я ездила на похороны. Ей было около 80 лет, это было до 1962 года.

Я поддерживала связи с ее детьми. У Анатолия не было детей, у Ирины было двое: дочь и сын. Сына не помню совсем, а вот с дочкой общалась, но мне было тяжело — у нее было абсолютно немецкое сознание и поведение. В настоящее время жива Тамара. Она живет в Мюнхене. По-русски она не говорит совсем. Одно время Тамара была замужем за летчиком из Южной Америки, уезжала туда, но потом вернулась в Германию.

— *Вы бывали у Абациевых в Англии впоследствии?*



Фото из семейного архива Ольги де Нарп.  
Крайний справа — ее отец, Михаил Николаевич Абациев

— Я была еще раз самостоятельно в Англии, уже без отца. Дочери Тамара и Елена к настоящему времени умерли: Тамара (1910-1989 г.), Елена (1906-1994 г.).

Был еще некий Георгий Абациев. Он приезжал к папе в Париж из Польши, где жил в городе Гдыня, говорил, что он — наш родственник, показывал фотографию, на которой он изображен маленьким мальчиком в Петербурге. На этом же фото был маленький Гайто Газданов и его мать — Вера Николаевна. Но папа отнесся к нему недоверчиво. Он был очень оборотистым.

— Под Парижем, в местечке Монруж, проживал Д. М. Абациев. Умер до в 1961 г. и похоронен на местном кладбище. Вы что-то знаете об этом?

— К сожалению нет. Ничего не слышала о таком Абациеве в Париже.

— Из какого города отец выезжал в Турцию, а затем в Прагу?

— Отец работал шофером в дипломатической миссии в Константинополе (20 апреля 1922 г.) Он там был один. Его жена Татьяна осталась в России. У меня хранится документ, подтверждающий, что он был в Константинополе, подписанный неким Барукашевым (декабрь 1921 г.). Но есть другие свидетельства, что он уже 25 марта 1922 года добрался до Белграда, где в июне встретился со своим родственником Д. К. Абациевым, а уже в августе 1922 года он переехал в Прагу (как видно из его паспорта — через Вену — есть отметка венского паспортного контроля), где поступил на юридический факультет Пражского уни-

верситета. Я не знаю причин, по каким он не остался жить в Белграде, где был его близкий родственник. Но именно генерал Джамбулат помог ему сделать в Белграде паспорт, с которым он уже поехал далее по Европе.

Одновременно с университетом мой отец в Праге окончил автошколу, которую открыл Земгор<sup>10</sup> — он был учеником первого выпуска 1922 года. Это ему помогло найти впоследствии работу в Париже — в гараже.

*Язык и культура.* В нашем доме все говорили по-русски. Когда к отцу приходили гости, то все говорили по-русски тоже. Мой отец любил читать стихи со своими друзьями, например, Коста Хетагурова, в доме был его портрет, но он мне не читал его стихи, и я сама тоже не читала.

Благодаря моей армянской бабушке наша семья праздновала Рождество и по-армянски, мы посещали армянскую церковь, которая находилась и до сих пор находится в 8-м округе Парижа. В этот день бабушка готовила рыбу.

*Натурализация.* Из всей нашей семьи натурализацию прошла лишь моя тетья Ольга Рубеновна Кеворкова. Она получила французский паспорт в 1948 году. Она участвовала во время войны в рядах французского Сопротивления и, возможно, французские власти в знак благодарности дали ей французское гражданство. Мой отец не хотел считать себя беженцем или гражданином Франции, он хотел считать, что он временно пребывает за границей, поэтому он не подавал документы на натурализацию.

— У Вас в квартире находится фотография Николая II?..

— Это фотография досталась мне от бабушки моей мамы. Но в квартире моего отца никогда не было фотографии Николая II.

— Отец не говорил Вам свое мнение о Николае II?

— Нет. Он был учеником Милюкова<sup>11</sup>. Он с ним работал. Они планировали соста-

вить новую русскую конституцию.

*История семьи.* Когда я подросла, я просила отца составить генеалогию нашей семьи, и он начал ее составлять. У меня был интерес к истории семьи. Со временем я начала писать книгу по истории своей семьи. Я над ней работаю и в настоящее время.

Потом я поступила в академию наук Франции, мне было 28 лет. И у меня возник интерес к русской истории. Я писала докторскую работу о Борисе Годунове. У меня была стипендия в Институте восточных языков (Париж), однако благодаря профессору по русскому языку я ее потеряла, и мне пришлось пойти работать: этот профессор услышал в моей речи «царские интонации» и поставил мне оценку, из-за которой меня лишили стипендии. Это было в 1966 году. А у самого профессора, по моему мнению, была «интонация Ленина» (он был коммунистом, в то время в Институте восточных языков большинство преподавателей-французов были коммунистами). Это сейчас кажется смешным, но в то время было грустно и страшно от такой ситуации. В 1968 году во Франции был молодежный взрыв — призывали к свободе молодежи. И я пошла к этому профессору и бастовала около двери его кабинета. Он увидел меня. У меня уже был выпускной год.

— *Что Вы помните о Гайто Газданове и его жене?*

— Мой отец, живя в Париже, общался с Гайто Газдановым и его женой — Фаиной Дмитриевной. Когда Гайто женился на Фаине<sup>12</sup>, он привел ее в нашу семью. Я хорошо помню и Гайто, и его жену. Мы жили до этого времени в Аньере, в 1953 году наша семья переехала в квартиру в Париж, которая располагалась недалеко от квартиры Газдановых. Поэтому мы стали общаться чаще. Фаина была на фронте Первой мировой войны, она была одноклассница с моим отцом. Гайто был ее моложе, Фаина и мой отец были душевно близки, понимали друг друга. Поэтому она приходила к нам в гости чаще, чем Гайто, — каждую неделю.

У меня осталось такое воспоминание: Гайто любил читать «полицейские» романы (видимо, детективы. — *И. Б.*), Фаина этого

не одобряла, поэтому отдавала эти романы мне, которые я с удовольствием прочитывала.

Потом, после войны, Гайто начал работать в Мюнхене и бывал в Париже наездами, тайно посещая масонскую ложу «Северная Звезда»<sup>13</sup>. Фаина приходила к нам и говорила, что Гайто находился в Мюнхене, и папа ворчал: «Я не хочу знать, что делает Гайто, он пошел в масоны». А Фаина говорила: нет, нет, это неправда. Она знала правду о Гайто, но она старалась это скрывать. Факт участия Гайто в масонской ложе злил папу, и поэтому Фаина от него скрывала этот факт. Папа был сильный человек, хорошо говорил по-русски, «как адвокат», и Фаина его немного боялась. Фаина была смешная, жизнелюбивая женщина, она была старше Гайто на 10 лет. Гайто уехал в Германию работать, а Фаина осталась жить в Париже. При этом Гайто по-немецки не говорил. Вообще, те, кто ранее жил во Франции, с трудом могли приспособиться к немецкой жизни. Периодически он приезжал в Париж, и мы с ним общались, но чаще он общался с отцом — спрашивал, есть ли сведения о жизни в Осетии, о родственниках и т.д.

Сам Гайто был скрытным человеком. Он смотрел на человека прямо в его глаза, как в стену. Как мне кажется, он подходил «к масонской системе» своей скрытностью. У моего папы было широкое образование, а у Гайто — более узкое. Мой папа настраивал меня на высшее образование. При выборе учебного заведения я хотела выбрать рисование, но он отговорил. Потом я захотела петь, он тоже отсоветовал. В результате я пошла на юридический факультет в университет Сорбонны. Мне самой нравилось защищать людей. Но потом папа посоветовал уйти оттуда, и я пошла в Институт восточных языков на русский факультет.

— *В журнале «Русская мысль» был помещен некролог с таким содержанием: 25 ноября 1958 года в Сене утонул Жорж Газданов, похоронен на кладбище Тие. Кто это такой, может быть он сыном Гайто Газданова?*

— Я никогда ничего не слышала об этом. С Фаиной Гайто познакомился в июне 1936 года, а с января 1937 года они стали жить вместе, потом они официально поженились в мэрии 15 округа. Это было намного позднее, в 1953 году. Мои родители были на этом мероприятии. Я не была на нем, мне было только восемь лет. Сам Гайто был скрытным человеком, и мог не рассказывать никому об этом. Но если бы Фаина знала об этом, то она бы нам рассказала точно. Она с нами очень дружила.

— *Общество «Быстрая помощь» в Ганьи*<sup>14</sup> — что Вы об этом знаете?

— Ганьи — предместье Парижа, располагалось в 5-ти км от города, к северо-западу. Я помню, что мой папа хотел быть директором этого общества и он стал им. Потом он стал в этом доме жить — с 1974 по 1983 год. В старости он сильно болел, был парализован, страдал болезнью Паркинсона, за ним требовался уход, а мама больше не могла одна его передвигать. В настоящее время этого общества нет, дом был продан французу. Недалеко от дома поставлен памятник всем беженцам-мигрантам. 17 мая 2014 года состоялась православная служба около памятника. На памятнике были написаны фамилии руководителей общества, однако фамилии моего отца не оказалась. Я попросила, чтобы написали. Просьбу выполнили.

Мама тоже стала жить там, вместе с папой. Я навещала родителей каждую субботу. Несмотря на болезнь, голова папы хорошо «работала», и мы с ним много общались в это время. Мне было уже 30 лет. Он мне много рассказывал о тех, кто жил вместе с ними. Моя мама была моложе папы, чувствовала себя лучше и помогала многим, кто там жил, например, писала письма. Мама тоже мне много рассказывала, например, о семье Тарасовых — это другая ветвь наших родственников по материнской линии. У папы была пенсия, у мамы нет. Папина пенсия поступала в Ганье, за проживание в доме родители ничего не платили. Кроме того, я уже работала и могла помогать родителям.

— *Когда папа стал жить в Париже, он работал?*

— Вначале он попытался открыть какой-то ресторан, но эта идея быстро провалилась. Потом, когда папа стал членом Ассоциации республиканских демократов (я видела документ именно с таким названием), он встретил там некоего Дегусара, у которого был большой гараж (гаражами во Франции называют места, где ремонтируют машины, — автомобильные сервисы. — И. Б.) на рю Ва До. Этот гараж располагался недалеко от того места, где мы жили. Дегусар предложил папе работу в его гараже. Я очень хорошо помню этот период жизни моего отца.

— *А по юридической линии ничего не было? У него же, кроме автомобильного, было еще и юридическое образование?*

— Я ничего не знаю об этом.

Ему очень нравилась юриспруденция. Он хорошо писал, хорошо говорил, но он очень любил и машины, имел способности к электромонтерным работам. По таких людей говорят — «иметь руки». В моем архиве есть также документ — рекомендация, данная папе представителем фабрики Бабадаглы<sup>15</sup>. Что это такое? Я не знаю.

— *А какова судьба родственников отца, которые остались в России?*

— Я точно знаю, что папа искал свою жену в России и сына. И он попросил Красный крест помочь ему. Впоследствии нашел сына Владимира.

Я знаю, что его первая жена, Татьяна Петровна Добровольская, была 10 или 11-м ребенком в семье преподавателя гимназии в Ставрополе. Она покинула Ставрополь, чтобы в Петербурге учиться медицине. В 1911 или 1912 году она вышла замуж за Михаила Николаевича Абадиева, который тоже в то время учился в Петербурге. Они жили в Петербурге, у них было три сына. Я знаю только Владимира, который родился 27 августа 1917 года в Ставрополе. Позднее в семье родился мальчик Павел или Лавр.

— *Ваш отец пытался искать свою первую семью в СССР?*

— Да, он пытался искать их через международную организацию Красный Крест.

Он искал их через свои осетинские связи. Они ему помогли, он нашел в Петербурге своего сына и свою первую жену Татьяну. Узнал, что она вышла замуж второй раз и поменяла фамилию на Костенецкую. Это было около 1962 года. Отец ездил к ним на встречу в СССР, но встречался не в Ленинграде, где они жили, а в Москве. Сын вместе с мамой специально приезжал на эту встречу. Причем их вызвали в Москву, не сказав, зачем. И только в Москве они узнали, что их ждет там мой отец.

Я помню, что он боялся, что его не выпустят обратно во Францию из СССР. А моя мама боялась, что отец сам захочет остаться в СССР. Его первая жена работала доктором в поликлинике Генерального Штаба. Это тоже вызывало опасения. Была и другая проблема: отец до последнего времени жил во Франции без французского гражданства, с нансенским паспортом. Для того чтобы он мог вернуться во Францию, ему требовались дополнительные документы, которые было не просто получить. Он должен был в Префектуре получить советскую визу. В общем, я точно помню, что в нашей семье были переживания, мне было тогда 16-17 лет, я училась в последнем классе лица.

— *Вы виделись со своим сводным братом Владимиром?*

— После того как отец встретился со своим сыном, он мне велел увидеться с Владимиром. Отец после встречи с Владимиром вернулся в Париж, был молчаливым, грустным, мы его старались не спрашивать подробности этой встречи. Оказалось, что Владимир девять лет провел в сталинских лагерях (воевал во Второй мировой войне, попал в плен, после чего был осужден).

В июле 1965 года в составе группы студентов, изучающих русский язык, в которой были мои друзья, например, Саша Толстой, я поехала в СССР с целью практики русского языка. Наша поездка включала посещение нескольких городов — Новгород, Ярославль, Москва, Ленинград.

Я видела моего брата Владимира и его мать Татьяну Петровну в Петербурге в июле 1965 года, куда я приезжала. Они

жили недалеко от Смольного. У меня было много страха перед этой встречей. Я провела с братом целый день, и все было хорошо. Потом, в 1993 году, мой брат приезжал ко мне в Париж. Но мы с Владимиром были очень разными, в том числе и внешне — он был похож на мать: блондин с голубыми глазами. В 1995 году он умер.

Я знаю, что у моего брата есть дочь Елена, мы с ней знакомы. У нее тоже есть дочь Ирина Аветисян.

— *Откуда Вы узнали про связь Вашего отца с Милюковым?*

— Из Энциклопедии русской эмиграции, которая вышла коллективом под руководством Л. А. Мнухина.

— *Расскажите о тех, с кем общался Ваш отец в Париже.*

— У него был близкий друг Серафим Кожевников<sup>16</sup>. Когда мой отец еще жил в квартире в Париже (до дома в Ганьи), он каждый день беседовал с ним, они могли часами говорить о политике, лично или по телефону. Они познакомились еще в годы Первой мировой войны, на фронте, и потом случайно встретились в Париже. Кожевников рассказывал, каким он встретил моего папу на фронте: высокий, красивый, легкий. У Серафима Кожевникова была дочь, которая вернулась в Россию, где нашла себе русского мужа. Потом этот муж уехал на постоянное жительство в США, а она до сих пор живет в Москве одна.

С папой я редко ходила в гости. Мы вместе посещали его друга Кожевникова, который жил в еврейском квартале — Сантье (м. Себастополь). У Серафима там была маленькая квартирка, любезная жена — грустная, ворчливая и не совсем здоровая русская женщина. Почему-то мне не хотелось туда ходить, но папа просил меня сопровождать его. Маме тоже не нравилось бывать в доме Кожевниковых.

Была еще одна русская дама — Стортенбекер (по мужу). Со своим мужем, голландцем, она познакомилась во время мировой войны, когда была сестрой милосердия. Она спасла своего будущего мужа. Они жили в Париже, недалеко от русской церкви Александра Невского, и мы часто



Фото из семейного архива Ольги де Нарн (Абацеевой). Девочка с самокатом — Ольга Абацеева (де Нарн), справа от нее — ее мама, Елизавета Кеворкова, слева — мадам Стортенбекер. Ок. 1950 г.

ходили к ним в гости. Она была очень приятной и практичной женщиной. Детей у них не было<sup>17</sup>.

— Ваш папа умер в 1983 году. Кто был на похоронах Вашего папы?

— Я не помню, так как я очень плакала. И маму поддерживала. Сейчас во Франции люди расписываются в книге соболезнования, когда приходят на похороны. А тогда такого не было. Были какие-то осетины, но я не помню.

Папа заранее приобрел участок на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Так многие делали в те годы. И Гайто Газданов это сделал. Когда это было, я не помню, но вначале в этой могиле была похоронена моя бабушка по материнской линии — Тарасова. Она умерла в 1960-е годы.

— А фамилия Тер-Погосян никогда в доме не упоминалась?

— Эта фамилия упоминалась, так как со стороны мамы были армянские родственники. У моей бабушки была подруга по фамилии Туманянц, она была милая и маленькая дама, жила недалеко от бабушки. Моя бабушка вместе со мной часто ходила в гости к Туманянц.

Увлечения. Когда мне было 57 лет, я пошла в Лувр, где увидела объявление об уроках рисования. Я вдруг вспомнила, что я до сих пор не разрешала себе делать приятное для себя. Я начала петь и рисовать. Мне всегда нравилось рисовать. Мои темы

— африканские маски, беднота, печаль. Я помню, что в детстве мы с мамой ходили в Лувр каждое воскресенье, так как жили недалеко от Лувра. Сейчас Лувр стал в три раза больше, а тогда он был значительно меньше.

— Сохранились ли неопубликованные доклады Вашего папы?

— Нет, мама все снесла в мусор. Во Франции так принято.

— Вы никогда не говорили с папой о политике?

— Я не говорила с ним о политике. В школе вокруг меня было много коммунистов. Они меня не любили, так как я была «русской белой». Когда русские вошли в Венгрию, со мной в школе не разговаривали два месяца. У меня была русская фамилия. Мне даже было немного стыдно быть «русской».

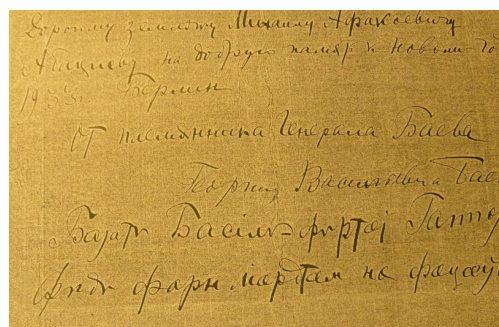


Фото из семейного архива Ольги де Нарн.  
Фото подарено Г. Баевым.  
Надпись на фото сделана рукой Г. Баева. 1933 г., Берлин

— Откуда Вы знаете фамилию Бурнацева?

— Он бывал у нас, но я не помню, чем он занимался<sup>18</sup>.

У меня есть фотография, на которой справа стоит Бурнацев, потом — Стортенбекер, мой папа, мама и я. Папа не любил Рериха, он о нем мало говорил дома, считал его слишком «легким» человеком. И в целом он не сильно любил осетинскую группу Бурнацева<sup>19</sup>.

Вот фото из газеты: на нем нет Бурна-

цева, но есть Харитон Сикоев и Латиев. Осетины все приходили к нам в дом. У нас была большая квартира. Впоследствии я переехала из большой квартиры в маленькую, где и живу до сих пор.

Также мой отец общался с ученым, осетином Гаппо Баевым<sup>20</sup>, который жил в Германии. Мой отец ездил в Германию в 1933 году и встречался с ним там. И потом поддерживал контакты, до смерти Гаппо в 1939 году. У меня есть фотография предка Гаппо Баева, подаренная им моему отцу.

#### Примечания:

1. Аньер — предместье Парижа, где в 1920-30-е гг. проживали многие русские эмигранты.
2. Абадиева Елизавета Рубеновна (Кеворкова-Тарасова) (1900–1988, Париж, похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа) — вторая жена М. Н. Абадиева.
3. В 1932 г. усилиями графа А. П. Бенигсена и других русских эмигрантов (например, русского офицера грузинского происхождения князя Чавчавадзе) была создана русская православная церковь во имя Спасителя.
4. По нашим сведениям, в эмиграции во Франции проживало четыре человека Сикоевых. Наиболее известный из них — Александр Осипович Сикоев (12.01.1895-1992, Беслан, Осетия). Любопытно, что в литературе сказано, что он был похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа, однако это неверно: он действительно купил на этом кладбище участок, но могила оставалась пустой. В 1992 г. он поехал на родину в Беслан, где умер и был похоронен (сведения Лоры Джанаевой — двоюродной внучки, проживает во Франции). А. О. Сикоев был крупным общественным деятелем эмиграции, членом правления Осетинского национального объединения, православным, работал таксистом до глубокой старости. Батыр-бек Сикоев, о котором мало что известно. В 1932 г. он был членом правления Ассоциации беженцев — горцев Северного Кавказа (Париж). Харитон Гаврилович Сикоев (6.12.1891, Владикавказ, Терская обл. — 14.12.1969, Париж, кладбище Сент-Женевьев-де-Буа), военный, корнет Осетинского конного полка имперской армии, участник Первой мировой войны, награжден Георгиевским крестом, православный, также работал таксистом. В одной могиле с ним в 1986 г. похоронена жена Харитона — Ольга Э. Сикоева (? — 1986 г.).
5. Ольга Рубеновна Кеворкова была родной сестрой матери Ольги Абадиевой (де Нарп) (6.06.1907, Москва — 1970, Париж, кладбище Сент-Женевьев-де-Буа) — художница по тканям, журналистка, жила в Париже, сооснователь ряда журналов.
6. Известно, что многие члены семьи осетин Сосиевых стали казаками и служили в Терском казачьем войске. Перечислим их: Сосиев Владимир, хорунжий, Сосиев Михаил, сотник, Сосиев Алексей, есаул. По непроверенным данным, все они оказались в эмиграции, но в нашем распоряжении имеется материал о жизни в Европе двух представителей этого рода. Одна из них — Сосиева Ольга Алексеевна (? — 1936), умерла от болезни легких, жена Джанчека Асланбековича Мистулова (? — 1957); в семье были дети — Эльмурза и Эльберт. Неизвестно, жили ли они во Франции. Предположительно, Ольга Алексеевна могла быть дочерью Алексея Сосиева. Другой — Сосиев Заурбек, эмигрант, художник, жил во Франции (? — не ранее 1927).
7. Лотиев (Латиев) Константин Семенович (25.09.1878, Владикавказ, Терская обл. —

- 13.05.1969, Париж, Сент-Женевьев-де-Буа) — казак Терского казачьего войска, подъяесаул, эмигрант, Франция, Париж.
8. Вера Николаевна Газданова — мать писателя Гайто Газданова, который проживал в эмиграции (Франция, Германия).
9. Абациев (Абадзиев) Дмитрий (Дзамболат) Константинович (3.12.1859, Кардагон, Военно-Осетинский окр. — 4.06.1936, Белград, Новое кладбище) — дядя М. Н. Абациева, генерал-лейтенант, генерал от кавалерии. В годы гражданской войны был представителем горских народов Северного Кавказа в Добровольческой армии. Проживал в Белграде, его жена — дочь действительного статского советника Елизавета Эдуардовна Фукс (1872-16.05.1964, Лондон).
10. Земгор — Главный по снабжению армии комитет Всероссийских земских и городского союзов, создан в Российской империи в 1915 г. на базе земств и городских дум. В эмиграции Земгор был восстановлен. Он стал посредником в распределении помощи для русских беженцев.
11. Павел Николаевич Милюков (1859, Москва — 31.03.1943, Савойя, Батиньоль) — политический деятель, публицист, историк, один из основателей и лидеров конституционно-демократической партии, министр иностранных дел в составе Временного правительства, главный редактор газеты «Последние новости» (с 1921 г.).
12. Газданова (Ломаки, урожд. Ламзаки) Фаина Дмитриевна (1892, Одесса — 27.01.1982, Париж, кладбище Сент-Женевьев-де-Буа) — жена писателя.
13. Ложа «Северная звезда» существовала в России еще до революции, потом возобновила свою деятельность во Франции. Гайто Газданов стал членом ложи в 1933 г. и оставался в ней до самого ее закрытия в 1970-х гг., став последним ее мастером.
14. Русский дом — Общество «Быстрая помощь», образовано в Ганьи в 1945 г. для оказания помощи русским эмигрантам — беженцам.
15. В эмиграции оказалось много военных с фамилией Бабадаглы: Арам Иванович, Гайк Иванович, Леонид. Известно, что А. И. Бабадаглы жил в Париже, возможно, кто-то из них владел некой фабрикой.
16. Видимо, речь имеет о Серафиме Моисеевиче Кожевникове (15.01.1897, Екатеринодар, Кубанская обл. — 3.06.1985, Ганьи, похоронен на местном кладбище), штабс-капитане саперного Донского батальона, общественном деятеле. В эмиграции жил во Франции, был членом правления Общества «Быстрая помощь» (1969-1972 гг.).
17. Очевидно, речь идет о Нине Георгиевне Стортенбекер, баронессе (12.05.1899, Владикавказ, Терская обл. — 1.09.1980, Монморанси, под Парижем, похоронена на местном Новом кладбище). Сестра милосердия, общественный деятель. Жена И. Г. Стортенбекера (ум. в 1958 г.). Окончила курсы Красного Креста Никольской общины в Москве. В годы мировой войны на фронте, во время Гражданской войны участвовала в 1-м Кубанском походе. В эмиграции жила в Париже. Член Объединения сестер милосердия Российского общества Красного Креста (РОКК). Участвовала во Второй мировой войне во французской армии. Член Терского объединения во Франции, в 1950-е гг. член Дамского комитета Казачьего союза. Организатор благотворительных вечеров и балов казачества. В 1962 г. вошла в Комитет по изданию книги стихов Н. Евсеева «Дикое поле». В последние годы жила в Русском доме в Монморанси.
18. Бурнацев Александр Константинович, осетин (1897-16.06.1971, Франция), работал шофером такси, председатель Осетинского Национального Объединения (1929 г.), секретарь Объединения осетин во Франции (1930 г.). Основал вместе с Дзанти Институт осетиноведения (при участии Рериха), участвовал в выпуске первого номера «Известий Северо-Осетинского научно-исследовательского института» (1953 г.).
19. Не случайно М. Н. Абациев довольно рано покинул руководство Осетинского Национального объединения, в котором в 1925-1929 гг. был председателем.

20. В эмиграции проживало несколько братьев, осетин Баевых: Георгий (Гаппо) Васильевич (1868-24.04.1939, Берлин) — жил в Берлине и работал в Берлинском университете, историк, филолог; Иван Васильевич (1.05.1896-22.09.1982, Кормей ан Паризи, Франция), о жизни и деятельности которого нам ничего неизвестно; Исмаил Васильевич (даты жизни и смерти неизвестны), проживал в эмиграции в Белграде (Югославии).

- 
1. Российское зарубежье во Франции. 1919-2000. Биографический словарь/Отв. ред. Л. А. Мнухин. М., 2008-2010. Т. 1-3.
  2. Бабич И. Л. Политические взгляды кавказской диаспоры во Франции на роль России в судьбе Кавказа // Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры. Дом-музей Марины Цветаевой/Сост. И. Ю. Белякова. М., 2015. С. 263-274.
  3. Бабич И. Л. Российская государственность и кавказцы во Франции (1919-1939) // Право и государство: теория и практика. 2015. № 10. С. 22-32
  4. Бабич И. Л. Судьбы русских офицеров-кавказцев Российской армии в европейской эмиграции // Современный Кавказ. 2011. № 11. С. 75-85.
  5. Бабич И. Л. Кавказцы в русских масонских ложах Франции // Кавказ и глобализация. 2014. № 3-4. С. 98-116.
  6. Бабич И. Л. Ислам в жизни кавказских эмигрантов во Франции (1919-1939) // Россия и мусульманский мир. 2015. № 6. С. 53-68.
  7. Бабич И. Л. Кавказская эмиграция во Франции (1920-1980-е годы) // Кавказоведческие разыскания. 2011. № 3. С. 238-246.
  8. Бабич И. Л. Интервью с Нико Чавчавадзе // Кавказоведческие разыскания. 2012. № 4. С. 205-214.